

РАСПАД МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

М. И. Стишов

Период Великой Октябрьской социалистической революции и первые послереволюционные годы стали временем полного идейного и политического краха русских мелкобуржуазных партий. Вопрос о причинах и конкретных обстоятельствах этого краха является составной частью политической истории Великой Октябрьской социалистической революции и рожденного ею Советского государства, истории решения одной из сложнейших проблем социалистической революции — проблемы средних слоев. Без изучения истории распада мелкобуржуазных партий нельзя в полной мере уяснить историческое значение победы ленинизма.

Между тем по этой проблематике до недавнего времени не было обстоятельных работ. Только за последние годы появился ряд специальных исследований на эту тему¹. Однако при всей значимости новой литературы она далеко не исчерпывает проблемы в целом. Это обстоятельство и побудило автора настоящей статьи сделать попытку в какой-то мере восполнить пробел.

Освещение комплекса вопросов, связанных с историей краха мелкобуржуазных партий, следует, по нашему мнению, начать с рассмотрения их взглядов на грядущую революцию в России. На этот счет мы находим законченные программные высказывания лидеров меньшевизма, с которыми они выступили незадолго до Февральской буржуазно-демократической революции, то есть в момент созревания революционной ситуации в России. Так, например, Г. В. Плеханов в статье «Две линии революции», опубликованной в 1915 г. в объединенном органе меньшевиков и эсеров «Призыв», нарисовал следующую схему предстоявшей русской революции: «Сначала (то есть в результате революции.— М. С.) власть попадает в руки наших «конституционалистов», левых октябристов, прогрессистов и кадетов. Потом она достанется трудовикам. Наконец, после того, как пройдены будут эти предварительные фазы, после

¹ И. Я. Трифонов. Конец мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров. «Ученые записки», ЛГУ, № 258, вып. 30, 1959; В. В. Гармиза. Банкротство политики «третьего пути» в революции. «История СССР», 1965, № 6; Е. Г. Гимпельсон. Из истории образования однопартийной системы в СССР. «Вопросы истории», 1965, № 11; К. Гусев. Крах партии левых эсеров. М. 1963; его же. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М. 1966; В. В. Комин. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1965; Е. Бугаев. Классы и партии России в канун Октября. «Коммунист», 1966, № 16; Л. М. Спириин. Классы и партии в гражданской войне. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1965; Н. В. Рубан. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1966; А. Х. Бурганов. Октябрьская революция и мелкобуржуазные партии (март — ноябрь 1917 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань. 1966.

того, как революция примет самый широкий размах, властью овладеют социалисты»². На первый взгляд схема Г. В. Плеханова как будто бы отвечала восходящей линии революции, ее развитию. На самом же деле она игнорировала опыт революции 1905 г., не учитывала расстановку и соотношение классовых сил накануне второй русской революции. Г. В. Плеханов сбрасывал со счетов гегемонию пролетариата в революции и молчаливо отводил ему лишь роль придатка либеральной буржуазии, отвергал идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, относил социалистическую революцию на неопределенное время. Недаром В. И. Ленин сразу же откликнулся на статью Г. В. Плеханова, подвергнув уничтожающей критике изложенную в ней схему революции. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что «теоретическое» рассуждение г. Плеханова представляет из себя еще и еще один образец подмена марксизма либерализмом»³.

Еще более прямолинейно высказался по этому вопросу другой видный лидер меньшевизма, И. Г. Церетели. В канун Февральской революции в споре с большевиками, находившимися в ту пору вместе с ним в сибирской ссылке, он так сформулировал свое кредо: «Оппозиция буржуазии объективно расшатывает основы самодержавия и расчищает почву для революции. И в случае возникновения революции буржуазия, как целое, не может стать против нас, она не может бороться с раскрепощением страны, которое нужно и для ее собственного развития. Если бы это было не так, то успешная революция в России была бы вообще невозможна, ибо пролетариат недостаточно силен и зрел, чтобы вырвать власть из рук самодержавия и организовать страну на демократических началах — без помощи буржуазии и в борьбе с ней»⁴. Сказано предельно ясно: Россия стоит накануне буржуазной революции, руководителем которой может быть лишь только буржуазия.

Что касается эсеров, то и они не шли дальше свержения монархии и установления буржуазно-демократической республики во главе с «цензовыми» элементами. Как мы увидим позднее, эти концепции Плеханова и Церетели легли в основу совместной политической платформы меньшевиков и эсеров, которая и определила их линию поведения в революции 1917 года. Эта платформа исторически завершала весь дофевральский путь эволюции меньшевизма и народнических партий, основным направлением которой было сближение с кадетами.

Но если лидеры мелкобуржуазных партий полностью отрицали наличие в России объективных предпосылок социалистической революции, то В. И. Ленин и руководимая им партия большевиков, наоборот, не только видели эти предпосылки, но и опирались на них в своей практической деятельности.

В. И. Ленин, находясь в феврале 1917 г. в эмиграции, пристально следил за развернувшимися событиями в России. В «Письмах из далека» и в других работах этого периода он дал глубокий анализ характера и движущих сил революции в России, ее направления и перспектив. Суть сделанного им вывода сводилась к тому, что данная русская революция не может долгое время оставаться в буржуазных рамках, что она в силу исторически сложившихся условий неминуемо перерастет в социалистическую. Всестороннее обоснование курса на переход к социалистической революции В. И. Ленин дал по возвращении на Родину в своих знаменитых «Апрельских тезисах».

Одним из излюбленных мотивов меньшевиков и эсеров против взятия власти пролетариатом служит тот факт, что российский рабочий класс составляет меньшинство населения страны, в силу чего он якобы

² Газета «Призыв», Париж, № 3, 17. X. 1915.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 76.

⁴ И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж. 1963, стр. 10.

не может с успехом для революции осуществлять свою диктатуру. Но это был чисто формальный довод. Они не понимали, что сила и влияние пролетариата измеряются не столько его численностью, сколько его неукротимым стремлением к свободе, классовым самосознанием и высокой организованностью. Они не понимали и того, что к своей исторической миссии гегемона революции пролетариат России был подготовлен той школой классовых битв, которую он прошел под руководством ленинской партии в период 1905—1917 годов. В ходе этих битв он превратился в общепризнанного вождя трудящихся масс и значительной части русской армии, готовых идти за ним до победного конца. Все это, вместе взятое, отводило рабочему классу ведущее место в борьбе за устранение изживших себя капиталистических производственных отношений и замене их новыми, социалистическими. Таким образом, ленинская идея о неизбежности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую имела под собой реальную, жизненную почву. Наиболее полно и с большой убеждающей силой эта идея нашла свое развернутое обоснование в работе В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 года. В этом труде получила глубокое раскрытие антинародная направленность экономической политики монополистической буржуазии и ее Временного правительства. Вместе с тем В. И. Ленин изложил план действий, реализация которого могла бы предотвратить и грозящую катастрофу и ликвидировать нищету и голод. Однако господствующие классы, буржуазия и помещики, сознательно уклонялись от проведения подобных мер, ибо это затрагивало их неслыханно скандальные прибыли⁵. «Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности, — писал В. И. Ленин. — Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, нельзя, не идя к социализму, не делая шагов к нему (шагов, обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры...)»⁶.

Это неодолимое движение вперед, к социализму вытекало, разумеется, не из факта разрухи и крайнего обнищания масс (такое представление было бы грубой вульгаризацией ленинской теории социалистической революции), а из глубинных процессов исторического развития страны. Однако, признавая и научно доказывая неизбежность социалистической революции в России, В. И. Ленин вместе с тем не сбрасывал со счетов и ее относительную отсталость в экономическом и культурном отношении, ее мелкобуржуазность. Учитывая эти особенности экономики страны и социальную структуру общества, он подчеркивал, что при переходе к социализму пролетариат и его авангард — большевистская партия — должны строго соблюдать меру, обусловленную и определяемую уровнем техники и культуры. «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов», — указывал В. И. Ленин в «Апрельских тезисах»⁷.

Таковы в самых общих чертах исходные положения В. И. Ленина, вытекающие из его общей теории социалистической революции, которые были противопоставлены соглашательской схеме и убедительно доказывали наличие в России объективных и субъективных факторов, обуславливавших неизбежность быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Переход к социализму, как сначала было доказано теоретически, а затем и практически самой социалистической революцией, может быть осуществлен и при

⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 156.

⁶ Там же, стр. 192.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 116.

минимальном уровне капиталистического развития производительных сил общества и при отсутствии численного преобладания рабочих в общем составе населения. Успех дела при такой ситуации определяется поддержкой пролетариата непролетарскими трудящимися массами в решающий момент его борьбы за власть. «У нас,— подчеркивал В. И. Ленин,— вместо полнейшего преобладания рабочих, пролетариев, в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством»⁸.

Какова была линия мелкобуржуазных партий, а прежде всего меньшевиков и эсеров с развитием революции? На этот счет мы имеем прямые указания В. И. Ленина, основанные, в частности, на опыте революции 1905 года. Этот «опыт,— подчеркивал В. И. Ленин,—...говорит нам, что у нас наблюдались две линии революции в смысле борьбы двух классов, пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы»⁹. Отсюда следует, что меньшевики, называвшие себя «рабочей партией», не занимали пролетарской позиции в революции, а потому «скатывались постоянно на вторую (буржуазную.— М. С.) линию, развращая пролетариат приспособлением его движения к либералам...»¹⁰. Все это, разумеется, полностью относится и к другой крупной мелкобуржуазной партии — партии социалистов-революционеров (эсеров). Любопытные свидетельства на этот счет мы находим в высказываниях одного из лидеров левых эсеров, Б. Камкова, относящихся к тому времени, когда эта крупная эсеровская фракция еще не растеряла полностью своей революционности. «Социал-реформистское крыло русского социализма,— писал он,— к которому я отношу правых с.-р., меньшевиков-оборонцев, «новожизненцев» и целый ряд других промежуточных групп., склонно считать русскую революцию революцией буржуазной, призванной не ударить по капитализму, а наоборот, расчистить ему свободную дорогу». Социал-реформисты считали, продолжает далее Б. Камков, что «объективная задача, поставленная историей перед революционной Россией, заключается не в борьбе с капиталом, а в создании настоящего, мощного, полнокровного капитализма взамен хилого, худосочного, рахитичного»¹¹.

Как мы увидим дальше, меньшевистско-эсеровские лидеры, пользуясь на первых порах определенным влиянием на массы, всеми силами старались расстроить, дезорганизовать, а затем разбить и уничтожить силы нараставшей пролетарской революции ради создания «полнокровного капитализма». Какие существуют на этот счет доказательства? Об этом прежде всего свидетельствует вся эсеро-меньшевистская соглашательская политика от февраля по октябрь 1917 года. Эсеро-меньшевистские лидеры, пользуясь бессознательной доверчивостью масс, навязали народу правительство контрреволюционных буржуа под «демократической» вывеской. Уже один из первых внешнеполитических актов этого правительства (18 апреля), связанный с печально знаменитой нотой Милюкова союзникам, открыто подтверждавшей захватнические цели войны, вызвал взрыв возмущения широких народных масс. 21 апреля это возмущение вылилось в стихийную демонстрацию рабочих и солдат гарнизона Петрограда, в которой приняло участие свыше 400 тыс. человек и которая проходила под лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой войну!». Демонстрации и митинги состоялись и в других городах страны.

Все это ставило Временное правительство в критическое положение. Создалась реальная возможность мирного перехода власти в ру-

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 305.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 77.

¹⁰ Там же, стр. 78.

¹¹ Б. Камков. Две тактики. Журнал «Наш путь», 1918. № 1, апрель, стр. 5—6.

ки Советов. Однако вместо осуществления этого требования трудящихся и солдат меньшевистские и эсеровские лидеры пошли на очередной сговор с капиталистами, поспешив спасти их шатающееся правительство. 5 мая 1917 г. в результате достигнутого соглашения между Временным правительством и эсеро-меньшевистским исполкомом Петроградского Совета было образовано первое коалиционное правительство с участием шести «социалистов». В числе последних «блистали» имена видных лидеров эсеро-меньшевистского блока: В. Чернова и А. Керенского — от эсеров; И. Церетели и М. Скобелева — от меньшевиков.

В. И. Ленин рассматривал данную правительственную коалицию как «союз капиталистов с вождями народных и меньшевиков»¹², направленный на остановку революции. И это была сущая правда, ибо с этого момента мелкобуржуазные партии в лице своих руководящих органов открыто взяли на себя функции защиты внутренней и внешней политики «коалиционного министерства» и борьбы против революционных выступлений рабочих и крестьян, солдат и матросов. В качестве подтверждения сказанного приведем любопытное свидетельство, исходившее от одного из лидеров соглашательского блока и «социалистических» министров — Церетели. «После революции, — писал он в своих воспоминаниях, — мы сразу из безответственной оппозиции превратились в руководящую страной силу. Мы создали власть и мы ее поддерживали. В новых условиях нам приходилось не разжигать, а, как пожарным, тушить разгоревшиеся народные страсти. Я только и делал, что тушил пожар то среди рабочих, объявивших стачку, то среди воинских частей, отказывавшихся повиноваться, то среди матросов в Кронштадте, расправлявшихся с офицерами»¹³. Свидетельство И. Церетели настолько ярко характеризует суть меньшевистско-эсеровской политики в тот решительный момент, что вряд ли нуждается в специальных комментариях. Подчеркнем лишь тот факт, что насколько энергичны были соглашатели (правда, безрезультатно) в деле тушения разгоравшейся день ото дня революции, настолько они были бездеятельны в борьбе с капиталистами, которые сознательно углубляли разруху и голод, приближая тем самым экономическую катастрофу в стране, ложно обвиняя в этом революцию и рабочий класс.

Сложилось, по существу, своеобразное разделение «труда» между меньшевиками и эсерами, с одной стороны, и главной партией буржуазии — кадетами, с другой. Если первые всячески пытались удерживать рабочих и крестьян от «самочинных» действий в решении основных задач, поставленных революцией, то вторые под прикрытием пустых обещаний соглашателей готовили ударные силы для расправы с революцией. Вот этот-то «блок двух блоков, союз двух союзов»¹⁴ на деле и правил Россией, выжидая удобного момента, чтобы покончить с Советами. Впервые такая попытка была осуществлена, как известно, в дни июльских событий. В итоге этой кровавой расправы окончилось двоевластие. Контрреволюция укрепилась, полностью сосредоточив власть в своих руках. Однако основной цели — уничтожения большевистской партии — контрреволюции добиться не удалось. Это с сожалением и дичинной откровенностью констатирует все тот же «социалист» Церетели. «Я заканчиваю свои воспоминания июльскими событиями, — писал он, — и их ближайшими последствиями, которые с внешней стороны, казалось, привели к полному разгрому большевиков, но которые на самом деле нанесли смертельный удар демократии (то есть меньшевикам

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 300.

¹³ И. Г. Церетели. Указ. соч. Кн. 1, стр. 129.

¹⁴ «Один блок есть блок кадетов с монархистами-помещиками... Другой блок есть блок эсеров и меньшевиков...» Эти два блока и составляли, по словам Ленина, «союз двух союзов» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 403).

и эсерам.— М. С.). Начиная с этого времени, революционная демократия уже больше не управляла событиями»¹⁵.

Все это верно: июльская победа оказалась для контрреволюции и соглашателей пирровой победой, меньшевики и эсеры в дни июльских событий получили «смертельный удар», после которого они уже не могли оправиться. Но этот удар эсеро-меньшевицкие лидеры нанесли себе сами, ибо соучастием в расстреле июльской демонстрации они скомпрометировали свои партии в глазах широких масс трудящихся. Рабочие, солдаты и матросы Петрограда и прилежавших к нему районов воочию убедились, что эсеро-меньшевицкие вожди находились в дни июльских демонстраций не вместе с ними, а в стане контрреволюции, тогда как большевики с начала и до конца событий оставались с народом. Напрасно социалист Церетели причисляет себя и своих соратников по предательству революции к «революционной демократии», ибо демократизм их проявлялся лишь на словах, а на деле они заключили союз с контрреволюционными кадетами. «Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фигурный листок контрреволюции»¹⁶, — писал по горячим следам событий В. И. Ленин.

Если бы, представим себе на минуту, эсеро-меньшевицкий блок не предавал революции, не поддерживал контрреволюционных кадетов, то в стране не сложилось бы двоевластия и государственная власть с начала Февральской революции была бы в руках Советов, которые могли бы обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, мирный переход власти из рук одной советской партии в руки другой¹⁷. Вот это был бы подлинный демократизм не на словах, а на деле. Однако эсеры и меньшевики всякий раз отвергали такой путь, неустанно предлагавшийся большевиками, надеясь расстроить ряды революционного пролетариата, подорвать его силы, деморализовать и в конце концов разбить, уничтожить его авангард. Корниловщина и явилась второй после июльских событий попыткой такого рода. Непосредственной целью корниловской авантюры был разгром Советов, разгром рабочего класса и физическое истребление большевицкой партии, руководимой В. И. Лениным. Корниловский мятеж, как отмечал В. И. Ленин, положил фактическое начало гражданской войне со стороны буржуазии¹⁸.

В результате успешной ликвидации корниловского мятежа в стране вновь сложилась благоприятная обстановка для мирного перехода власти в руки Советов. «Перед демократией России, перед Советами, перед партиями эсеров и меньшевиков, — писал В. И. Ленин, — открывается теперь чрезвычайно редко встречающаяся в истории революций возможность обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок без новых оттяжек, возможность обезопасить страну от военной и хозяйственной катастрофы, возможность обеспечить мирное развитие революции». «Ни о каком сопротивлении Советам теперь не могло бы быть и речи, — писал далее В. И. Ленин, — если бы не было колебаний с их стороны. Ни один класс не посмеет поднять восстание против Советов, и помещики с капиталистами, проученные опытом корниловщины, уступят власть мирно перед ультимативным требованием Советов»¹⁹.

Это была еще одна попытка Ленина, большевиков, направленная на отрыв соглашателей от союза с буржуазией, с предложением ком-

¹⁵ И. Г. Церетели. Указ. соч. Кн. 2, стр. 414.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 2.

¹⁷ См. там же, стр. 237.

¹⁸ См. там же, стр. 215.

¹⁹ Там же, стр. 237.

промисского соглашения с ними, от которого зависело предотвращение развязки гражданской войны и обеспечение мирного развития революции. В. И. Ленин обращал внимание эсеров и меньшевиков на то, что их испытанный на практике союз с кадетами привел к усилению «левой» оппозиции в их рядах, к краху «коалиции» и к усилению позиций большевиков. В связи с этим он писал: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии *еще не испытан*. Или, если быть более точным, такой союз *испытан только по одному фронту*, только в течение *пяти дней*, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война *с этой стороны* развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя»²⁰. Однако эсеро-меньшевицкие лидеры молчаливо отвергли этот призыв В. И. Ленина; прикрываясь демагогической шумихой о разрыве с кадетами, они на самом деле по-прежнему оставались в союзе с ними. Доказательством этому служит согласие эсеро-меньшевицкого блока на образование Временным правительством Директории («Совета пяти»), последовавшее 1(14) сентября, и поддержка этой закулисной комбинации тех же кадетов.

Узнав об этом из газет, В. И. Ленин сделал следующую приписку к уже законченной статье «О компромиссах»: «Предыдущие строки (то есть статья «О компромиссах». — М. С.) писаны в пятницу, 1-го сентября, и по случайным условиям... не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще возможно, тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли»²¹, — повторил Ленин с сожалением. И вина за этот вновь упущенный момент, суливший в конечном счете мирную победу социалистической революции, целиком падает на соглашательские партии. Они предпочли остаться в пагубном прежде всего для них союзе с контрреволюционными кадетами, по-прежнему упорно отказываясь от союза с большевиками.

Если в первые месяцы после Февраля большинство населения страны шло за мелкобуржуазными партиями, поддерживало их, то очень скоро объективный ход революционного процесса, неспособность эсеро-меньшевицкого блока как «*правлящей партии в России*»²² решить ни одной из основных задач, поставленных революцией, и прежде всего вопросы о земле и мире, коренным образом изменили представление большинства народа об этих партиях. Огромную роль сыграла здесь деятельность большевистской партии, ее большая работа среди народа. Когда массы на собственном опыте убедились в том, что эсеры и меньшевики не способны вести их вперед, что они изменяют народу и только большевики выражают коренные интересы трудящихся, массы стали быстро отходить от соглашателей и примыкать к большевикам²³. Особенно этот процесс усилился после июльских дней и корниловщины. Об этом свидетельствуют такие факты, как поддержка большевиков беспартийными депутатами сначала в столичных Советах, а затем и в Советах периферии. Так, Петроградский Совет 31 августа, а Московский Совет 5 сентября высказались за проведение большевистской линии в революции. Вслед за этим началась полоса большевизации Советов. Толь-

²⁰ Там же, стр. 221—222.

²¹ Там же, стр. 138—139.

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 32, стр. 355.

²³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 399; Н. Суханов. Записки о революции. Кн. 4. Берлин — Пгтр. — М., 1922, стр. 16.

ко за один день 1 сентября ЦИК Советов получил от 126 местных Советов требования взять власть в свои руки²⁴. Все это привело к тому, что лозунг «Вся власть Советам!», временно снятый после июльских событий, вновь был поставлен большевиками в порядок дня.

Такое развитие событий, разумеется, не могло не сказаться и на положении дел внутри самих соглашательских партий, переживавших острый кризис. «Как показатели того,— писал В. И. Ленин в октябре 1917 года,— что *массы левеют*, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты имеют *огромное* политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эсеров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи»²⁵.

Если партия большевиков с февраля по октябрь 1917 г. выросла с 24 тыс. до 350 тыс. человек²⁶, то ряды партий меньшевиков и эсеров, наоборот, сокращались. Это сокращение прослеживается прежде всего в столичных организациях. Так, организация меньшевиков Московской губернии за короткий отрезок времени, с августа по ноябрь 1917 г., сократилась более чем в два раза—с 3 тыс. до 1 400 человек. Аналогичный процесс наблюдался и в организации петроградских эсеров. Представители 14 районов столицы докладывали 23 августа Петроградскому комитету эсеров о том, что многие члены партии покидают ее ряды, а у оставшихся наблюдается упадок настроения и апатия²⁷. Идейный и организационный разброд, который наблюдался и раньше в рядах мелкобуржуазных партий, теперь еще более усилился. Все это, вместе взятое, дало основание В. И. Ленину заявить в письме в ЦК РСДРП (б), написанном в середине сентября 1917 г.: «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство народа...*»²⁸. Об этом ярко свидетельствует история Советов в решающие месяцы сентября и октября 1917 года.

По мере изгнания путем перевыборов оппортунистов из Советов эти организации под руководством большевиков ожили и снова превратились в боевые, революционные органы масс. Особая активность в деятельности Советов наблюдалась в Петрограде, Москве и других промышленных центрах страны. Народ рассматривал теперь Советы как органы восстания, как органы будущей власти. И вот, когда в Советах закипела работа, когда в их деятельности наблюдалась наибольшая активность, когда эта активность впервые после начала революции приобрела революционную целеустремленность и перспективу, меньшевики заговорили о «кризисе в Советской организации», выступив с передовой статьей под таким названием в газете «Известия». «По мере того,— говорится в этой статье,— как органы местного самоуправления вработываются в свое дело», роль Советов падает. «Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и умения вести дела и, наконец, нет самой организации... Временную организацию Советов мы хотим заменить постоянной, полной и всесторонней организацией государственного и местного строя жизни. Когда пало самодержавие и... весь бюрократический порядок, мы построили Советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют демократия. Теперь на место барakov строится постоянное каменное здание нового строя и, естественно, люди постепенно уходят из барakov в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом»²⁹.

²⁴ См. «Советская историческая энциклопедия». Т. 3. М. 1963, стр. 47.

²⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 408.

²⁶ Е. Бугаев. Указ. соч., стр. 12—13.

²⁷ См. К. В. Гусев. Крах мелкобуржуазных партий в СССР, стр. 29.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 244.

²⁹ «Известия» № 195, 12. X. 1917.

Нетрудно догадаться, что этой статьей, равно как и всей своей политикой, лидеры меньшевизма пытались внести в ряды пролетариата столицы и солдат ее гарнизона сомнение, вызвать колебания и нерешительность в тот самый момент, когда делались последние приготовления к свержению Временного правительства. Не отстраняйте буржуазию от власти, говорили меньшевики рабочим, ибо вы не в состоянии создавать новое. У вас нет ни специалистов, ни навыков, ни умения вести дело, наконец, у вас нет и самой организации. Советы! Нет, они не годятся в качестве государственной формы новой власти, ибо являются всего лишь «временными бараками», из которых, вешали они, следует как можно скорее уйти «в более удобные помещения» respectable учреждений, созданных буржуазией.

Пролетариат и революционные солдаты прошли мимо этих призывов оппортунистов, твердо зная, что первое условие в деле спасения страны от окончательной экономической катастрофы и от грозившей ей опасности потери национальной независимости как раз состоит именно в том, чтобы силой отобрать власть у буржуазии и передать ее в руки Советов, как уже готовых органов государственного управления. Что касается эсеров, то они также были против советской формы государственной власти, поскольку Советы, по их мнению, являлись лишь классовыми, а не всенародными организациями. «Республика Советов,— утверждали эсеры,— может быть лишь классовой организацией... но не являющейся составным элементом государственной демократической республики»³⁰. Иначе говоря: «Долой Советы! Да здравствует демократическая республика!», созданная Учредительным собранием, разумеется, с участием буржуазии, помещиков и других эксплуататорских элементов. Так представляли себе эсеры идею так называемого «народоправства». Таким образом, у меньшевиков и эсеров мотивы, с которыми они выступали, пытаясь обосновать необходимость ликвидации Советов, были разные, но суть была одна: лишить пролетариат организации, созданной им в ходе двух революций как уже сложившейся формы будущей государственной власти, или по крайней мере подорвать его веру в Советы и таким путем помешать рабочему классу осуществить социальный переворот.

Чем яснее становилась неизбежность решительной схватки пролетариата с буржуазией, тем все более и более отдалялись эсеры и меньшевики от народа, совершая одну измену за другой. Так, например, эсеры в канун Октябрьского переворота 18 и 19 октября опубликовали в своей газете «Дело народа» земельный законопроект министра земледелия, члена партии эсеров С. Маслова, назвав его «крупным шагом к осуществлению аграрной программы партии». В. И. Ленин в статье «Новый обман крестьян партией эсеров», опубликованной 24 октября в газете «Рабочий путь», глубоко проанализировав основные параграфы названного законопроекта, пришел к выводу, что эсеры перешли от своего земельного проекта к помещичьему, кадетскому, плану «справедливой оценки» и сохранения помещичьей собственности на землю³¹. «Пусть же знают крестьяне,— писал В. И. Ленин в заключение своей статьи,— как обманула их партия эсеров, как предала она их помещикам. Пусть знают крестьяне, что только рабочая партия, только большевики стоят горой и до конца против капиталистов, против помещиков, за интересы беднейшего крестьянства и всех трудящихся»³².

³⁰ «Дело народа» № 173, 6. X. 1917.

³¹ Этот законопроект явился логическим завершением процесса идейно-политического слияния эсеров с кадетами, который начался еще в годы реакции. В подтверждение сказанного сошлемся на кадетскую газету «Речь» (№ 82 от 1907 г.), которая, полемизируя с эсерами, призывала последних «открыто признаться в том, что жизнь в действительности давно уже сделала вас (то есть эсеров.— М. С.) кадетами».

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 34, стр. 433.

«Мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство в целом шло с нами»³³, — отмечал В. И. Ленин в докладе на VIII съезде РКП(б).

Если до октября 1917 г. эсеры и меньшевики всеми способами стремились предотвратить победу надвигающейся пролетарской революции, то после того, как эта революция стала фактом, они объявили беспощадную борьбу молодому Советскому государству и его создателю — большевистской партии во главе с В. И. Лениным. Начало этой борьбе меньшевики и эсеры положили своим демонстративным уходом со II съезда Советов, на котором представители их партий оказались в меньшинстве. Так, ЦК меньшевиков постановил не признавать Октябрьское вооруженное восстание социалистической революцией, не участвовать в работах II съезда Советов «и принять меры к переговорам с Временным правительством о создании власти, опирающейся на волю демократии». Об этом поведом создал тогдашний меньшевик Хинчук. Вслед за этим на трибуне съезда появился правый эсер Гендельман, который от имени своей фракции присоединился к заявлению Хинчука³⁴. Затем съезд покинули бундовцы и даже часть фракции меньшевиков-интернационалистов во главе с Мартовым³⁵. Отзывом со съезда своих представителей названные партии и группы надеялись изолировать большевиков «и этим ускорить их падение». Однако все получилось наоборот. Они сами оказались в еще большей изоляции от народа, став дезертирами революции. Эта акция соглашателей явилась очередным и, пожалуй, решающим шагом на пути к их полному краху.

Съезд поручил большевикам как партии большинства сформировать правительство, в состав которого было предложено войти и левым эсерам. Но последние отклонили предложение большевиков, ибо не хотели разделить с ними бремя власти, желая, очевидно, выждать, чем кончится первый антисоветский мятеж, поднятый Керенским и командиром 3-го казачьего корпуса генералом Красновым и поддержанный правыми эсерами и меньшевиками. В связи с отказом левых эсеров первое Советское правительство, образованное съездом, состояло из одних большевиков. Верховный орган государственной власти — Центральный Исполнительный Комитет Советов был избран в составе 101 человека, в который вошли: 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 объединенных социал-демократов-интернационалистов, 3 украинских социалиста и один максималист³⁶.

После этого буржуазная и мелкобуржуазная пресса открыла клеветническую кампанию против большевистской партии под вымышленным предлогом, будто она не хочет разделить власть ни с какой другой партией. В ответ на это ложное обвинение ЦК РСДРП(б) в специальном обращении к партии и всем трудящимся классам, опубликованном в «Правде», заявил: «Мы предложили и предлагаем левым эсерам разделить с нами власть. Не наша вина, если они отказались». Далее в обращении подчеркивалось: «Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т. е. власти *большинства*, получившегося на последнем съезде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, одобренную всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму»³⁷.

С образованием советской системы государственной власти снизу доверху «переход правительства из рук одной советской партии в руки

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 143.

³⁴ Н. Суханов. Указ. соч. Кн. I, стр. 200, 201.

³⁵ Там же, стр. 216. Вскоре представители фракции меньшевиков-интернационалистов, Бунда, партии «Поалей-Цион» вернулись на съезд.

³⁶ «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.». М.—Л. 1928, стр. 92.

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 75, 76.

другой партии обеспечен,— как это мыслили большевики во главе с Лениным,— без всякой революции, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов на Советы»³⁸. Однако такие советские, подлинно демократические принципы не устраивали так называемые «демократов» из лагеря мелкобуржуазных партий. Как уже было отмечено, они вообще были принципиальными противниками республики Советов как государственной формы власти трудящихся классов, отдавая предпочтение буржуазной парламентской республике, и стремились к реставрации старых буржуазных порядков в стране. Лишь этим и только этим можно объяснить тот факт, что они на призыв ЦК большевистской партии о лояльном и честном отношении к воле народа, выраженной его избранными на II Всероссийском съезде Советов, ответили грубым отказом. «Никакое соглашение с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти совершенно недопустимо»,— говорилось в резолюции ЦК меньшевиков, принятой 28 октября³⁹. Как и меньшевики, правые эсеры в своей декларации, опубликованной 27 октября, заявили о том, что они не видят возможности совместной работы с большевиками⁴⁰, а 28 октября объявили о своем стремлении образовать «общенародное социалистическое министерство без большевиков и без цензовых элементов»⁴¹. 31 октября ЦК меньшевиков, как бы смягчая свой антибольшевизм, высказался за «однородную власть, включающую в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков»⁴².

Между тем эсеро-меньшевистская пресса день ото дня усиливала разнузданную антисоветскую и антибольшевистскую кампанию. «Нет той низкой клеветы, нет тех подлых инсинуаций,— отмечалось в «Известиях»,— которые не пускались бы в ход меньшевиками-соглашателями и правыми эсерами против второго съезда, избранного им Центральным Исполнительным Комитетом, назначенного им Временного рабочего и крестьянского правительства и против поддерживающих его партий, особенно же против большевиков»⁴³.

Тем не менее ЦИК и его большевистская фракция изъявили готовность к переговорам, направленным на достижение соглашения о вхождении в Советское правительство представителей тех социалистических партий, которые пожелают это сделать. Большевиков не останавливало при этом даже то обстоятельство, что фракции, с которыми им предстояло вести переговоры, собирали в то же время реакционные силы против Советского правительства, готовили и, по существу, уже вели гражданскую войну. Во избежание недоразумений ЦИК Советов и большевики твердо заявили, что соглашение может быть заключено лишь с теми партиями, которые открыто признают завоевания революции, то есть власти Советов, декреты о земле, о мире, о рабочем контроле, и выразят готовность своей практической работой способствовать продвижению вперед, к социализму. Но суть дела как раз и состояла в том, что ни меньшевики, ни эсеры под различными предлогами не хотели признавать власти Советов и декреты II съезда Советов. В силу этого обстоятельства соглашение, к которому так честно стремились большевики и нечестно относилась другая сторона, не состоялось. Оно было умышленно сорвано эсеро-меньшевистскими лидерами, считавшими, что этим актом они ускоряют падение Советской власти, в прочность которой они не верили, считая, что «крах ее неминуем».

Из сказанного явствует, что участвовать в правительстве, образованном большевиками, были приглашены все партии, готовые встать на

³⁸ Там же, стр. 72.

³⁹ «Рабочая газета» № 199, 29. X. 1917.

⁴⁰ «Дело народа» № 190, 27. X. 1917.

⁴¹ «Дело народа» № 193, 29. X. 1917.

⁴² «Рабочая газета» № 200, 1. XI. 1917.

⁴³ «Известия» № 213, 1. XI. 1917.

платформу Советской власти. Однако лишь левые эсеры изъявили наконец желание разделить власть с большевиками.

Соглашение большевиков с левыми эсерами предотвратило попытку воссоздать уже прорванный во многих местах антибольшевистский и антисоветский фронт мелкобуржуазных партий. Разумеется, это не могло не усилить деморализацию в рядах этих партий и, в частности, способствовало углублению раскола в самой большой из них, эсеровской партии, от которой окончательно отпочковались левые эсеры, образовав самостоятельную партию. Все это в известной мере ослабило общий натиск мелкобуржуазной контрреволюции на еще неокрепшее Советское государство. В этом соглашении было обусловлено слияние ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Совета крестьянских депутатов в один общий ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это объединение, состоявшееся в середине ноября 1917 г., явилось важной победой пролетарской революции, ибо знаменовало собой закрепление союза рабочего класса с крестьянством. Это сплотившееся, нерасторжимое рабоче-крестьянское единство было затем подтверждено в январе 1918 г., когда открылся III Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов, с которым слился III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Сам по себе факт слияния обоих съездов свидетельствовал об единстве взглядов рабочих, солдат и крестьян на основные политические и экономические проблемы, стоявшие перед Советским государством. В итоге III съезд Советов сделал огромное, исторической важности дело: он разрушил надежды саботажников революции — правых эсеров и меньшевиков всех оттенков — на скорое крушение власти Советов, закрепил социалистические преобразования, проведенные с момента Октябрьской революции, и начертал основы устройства Российской республики Советов. Работа и решения этого съезда занимают видное место в истории упрочения Советской власти как в центре, так и на местах. И в этом надо отдать известную дань усилиям, которые были предприняты левыми эсерами, когда они шли вслед за большевиками и лояльно сотрудничали с ними. Их объективно положительная роль на этом этапе революции не может, по нашему мнению, вызывать сомнений, хотя большевикам и приходилось вести борьбу против их неустойчивости. В. И. Ленин рассматривал соглашение с левыми эсерами как «честную коалицию», как «честный союз»⁴⁴, направленный на превращение левых эсеров в партию, безоговорочно признающую социалистический характер советской революции, Советскую власть и основные принципы диктатуры пролетариата⁴⁵.

Строительство Советского государства проходило в очень сложной внутренней, не говоря уже о внешней, обстановке. Заседания ВЦИК того времени становились сплошь и рядом ареной стремительных атак мелкобуржуазных фракций, направленных на срыв деловой работы высшего государственного органа страны. «Мы авансом не доверяем правительству Ленина»⁴⁷, — демонстративно заявил с трибуны ВЦИК лидер меньшевизма Мартов. «Долой диктатуру!», «Да здравствует республика!»⁴⁸, — провозглашал он далее, умалчивая при этом о том, какую

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 100, 102.

⁴⁵ Некоторые историки пытаются трактовать блок большевиков с левыми эсерами как некую заранее продуманную тактику разоблачения «в глазах трудового крестьянства соглашательской политики левозэсеровской партии» и откола «от нее широких крестьянских масс». Такой точки зрения, противоречащей вышеприведенным фактам и высказываниям Ленина, придерживается, например, Р. М. Илюхина. См. ее статью «К вопросу о соглашении большевиков с левыми эсерами» (октябрь 1917 — февраль 1918 г.), «Исторические записки». Т. 73, стр. 34.

⁴⁷ «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва». Стенографический отчет. М. 1920, стр. 280.

⁴⁸ Там же, стр. 281.

диктатуру и какую республику он имеет в виду. Однако каждому был ясен призыв Мартова: он ратовал за свержение диктатуры пролетариата и за образование буржуазно-парламентской республики. На этом стояли и союзники меньшевиков — правые эсеры. Обе эти фракции считали себя наиболее непримиримыми противниками советского режима. Выполняя волю руководящих органов своих партий, члены этих фракций намеренно стремились всякий раз путем обструкции дезорганизовать нормальную работу ВЦИК. Характер их выступлений всегда и неизменно был один и тот же. При обсуждении любого вопроса они выступали лишь только «против» и никогда «за». Не отставали от них, пожалуй, и другие мелкобуржуазные фракции, в частности фракция объединенных социал-демократов — интернационалистов, которая, по свидетельству председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, своими запросами, заявлениями и возражениями мешала деловой работе ВЦИК, вносила диссонанс в его среду⁴⁹.

С каждым днем антисоветская направленность деятельности соглашательских партий все более возрастала. Вот, например, какую директиву дало местным организациям состоявшееся 21—27 мая 1918 г. Всероссийское общепартийное совещание меньшевиков: продолжать разъяснять рабочим «лживость идеи так называемой Советской республики..., разъяснять рабочему классу несостоятельность этой анархо-бюрократической системы»⁵⁰. С такими измышлениями на Советское государство меньшевики шли в рабочую среду. Однако их попытки склонить на свою сторону сколько-нибудь широкие слои пролетариата оказались тщетными. Чтобы не быть голословными, сошлемся на свидетельство, исходящее от самих же меньшевиков. Так, например, один из деятелей меньшевизма, соратник Мартова О. А. Ерманский, признавал впоследствии, что, выступая против большевиков, они теряли последние связи с рабочей массой: «Мы видели, что находим поддержку главным образом в среде мещанства и отсталых... рабочих. Это действовало удручающим образом. Мне пришлось поделиться с Мартовым этим впечатлением, оказалось, что и он испытывает то же тяжелое чувство»⁵¹.

Не удержались долго на советской платформе и левые эсеры. Их поворот вправо стал особенно резким в связи с заключением Брестского мира, яркими противниками которого они оказались. А когда социалистическая революция из города стала проникать в деревню, когда там появились комбеды, конкретные носители этой революции, когда на помощь им пришли городские рабочие, чтобы совместными усилиями с беднотой сломить мощь кулака, а заодно заставить его отдать государству излишки хлеба по твердым ценам, тогда левые эсеры заявили большевикам: «Наши дороги разошлись». На это В. И. Ленин ответил им: «Тем хуже для вас, ибо это значит, что вы ушли от социализма»⁵². Результатом отхода левых эсеров от социализма явился антисоветский мятеж, поднятый ими в Москве 6 июля 1918 года. Став на путь вооруженной борьбы с Советской властью, левые эсеры превратились в такую же антисоветскую контрреволюционную партию, как и правые эсеры. Июльская авантюра левых эсеров явилась началом конца левозеро-ской партии. Потеряв доверие трудового крестьянства, она стала быстро распадаться. Значительная часть левых эсеров, оставшаяся на советской платформе, покинула ряды своей партии. В результате образовались две новые партии: народников-коммунистов и революционных ком-

⁴⁹ См. А. М. Совокин. О партии социал-демократов — интернационалистов. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 1, стр. 81—82.

⁵⁰ Журнал «Новая заря», 1918, № 5—6, стр. 81—82.

⁵¹ О. А. Ерманский. Из пережитого (1887—1921). М.—Л. 1927, стр. 188.

⁵² В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 502.

мунистов⁵³. Остатки левых эсеров, выполнявшие распоряжения своего ЦК, ушли в подполье и продолжили борьбу против Советской власти.

Еще в канун левозеро-мятежа в Москве ВЦИК на своем заседании 14 июня 1918 г. принял решение об исключении из состава ВЦИК и местных Советов представителей контрреволюционных партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, вставших на путь открытой вооруженной борьбы с Советской властью⁵⁴. Разумеется, были исключены из ВЦИК и местных Советов и те левые эсеры, которые разделяли антисоветский курс руководства своей партии.

Эсеры и меньшевики, отвергнутые большинством народа, встали на путь навязывания ему своих догм силой оружия. С этой целью эсеры развернули работу по сколачиванию в условиях подполья боевых дружин, заготовке оружия. Особенно активизировались эсеры в тех районах Сибири и Среднего Поволжья, в которых была большая прослойка кулацко-зажиточных элементов. Меньшевики, помогая эсерам, пытались отравить сознание пролетариата антисоветскими идеями и таким образом подорвать социальную базу большевистской партии и Советской власти. Но так как «демократической» контрреволюции не удалось в этом направлении добиться сколько-нибудь ощутимых результатов, они пошли на прямую национальную измену, прибегнув к вооруженной помощи Антанты. Опираясь на мятеж чехословацкого корпуса, эсерам и меньшевикам, действовавшим вкуче с белогвардейской реакцией, удалось летом 1918 г. свергнуть Советскую власть в Сибири, в Среднем Поволжье и на Дальнем Востоке и образовать там свои «правительства»⁵⁵. В Самаре таким «правительством» стал КОМУЧ, состоявший в подавляющем большинстве из эсеров — бывших членов Учредительного собрания, в Омске — временно-сибирское «правительство» во главе с эсером П. В. Вологодским, на Дальнем Востоке — «правительство» эсера П. Дербера.

Это была попытка эсеров и меньшевиков воплотить в жизнь политику так называемого «третьего пути». Что из этого вышло, хорошо известно⁵⁶. Мелкобуржуазные партии, действуя в обстановке обостренных форм классово-борьбы, все более отходили от тех промежуточных слоев населения, интересы которых они пытались представлять. «Третий путь» — величайшее преступление мелкобуржуазных партий, в первую очередь эсеров и меньшевиков, перед советским народом. Именно они помогли появиться на свет кровавой колчаковщине и прямо поддерживали ее. Борьба с колчаковщиной, денкинской и другими бело-

⁵³ Народники-коммунисты уже в ноябре 1918 г. на своем втором съезде поставили вопрос о вхождении в РКП(б). Эта инициатива нашла положительный отклик со стороны ЦК РКП(б). Что касается революционных коммунистов, то они как партия существовали до 1920 года. После самоликвидации партии, состоявшейся в том же 1920 г., ЦК РКП(б) разрешил своим местным партийным организациям принимать в РКП(б) бывших революционных коммунистов. (См. К. Гусев. Крах партии левых эсеров, стр. 227; Е. Бугаев. Указ. соч., стр. 21.) Затем о слиянии с РКП(б) решение в декабре 1919 г. приняла партия социал-демократов — интернационалистов. В марте 1920 г. борьбисты (украинские левые эсеры) слились с большевиками Украины, а год спустя, в марте 1921 г., решил примкнуть к РКП(б) и Бунд, ранее стоявший на позициях меньшевизма. И, наконец, в августе 1923 г. самораспустились грузинские меньшевики, открыто признав свой идейный и политический крах.

⁵⁴ См. «Декреты Советской власти». Т. II. М. 1959, стр. 430—431.

⁵⁵ Одновременно с этими контрреволюционными акциями правым и левым эсерам совместно с меньшевиками удалось организовать ряд других антисоветских вооруженных выступлений, наиболее крупными из которых были ярославский эсерово-белогвардейский мятеж в июле 1918 г. и эсерово-меньшевистское восстание в Ижевске. Эсеровские «боевики», действовавшие в Петрограде и Москве, совершили ряд террористических актов, в том числе убийство комиссара по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарского 20 июня 1918 года. 30 августа 1918 г. от рук эсеровских террористов пал председатель Петроградского ЧК М. Урицкий. В тот же день, 30 августа, они совершили злодейское покушение на В. И. Ленина в Москве.

⁵⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 60.

гвардейскими формированиями, которые в равной степени были поддержаны эсерами и меньшевиками, очень дорого обошлась советскому народу. Она стоила ему больших людских потерь, не говоря уже о бесчисленном материальном ущербе. А ведь всего этого можно было избежать, если бы мелкобуржуазные «демократы» оказались демократами без кавычек и уважали волю народа, добровольно избравшего советский путь своего продвижения вперед. В этом случае попытка буржуазии и помещиков вернуть свое бывшее господство была бы быстро раздавлена, а интервенция Антанты, лишенная таким образом организованной поддержки внутри нашей страны, вряд ли могла принять столь большие масштабы. Советский народ мог избежать такой кровопролитной и длительной гражданской войны и иностранной военной интервенции в том случае, если бы мелкобуржуазные партии оказали не в союзе с контрреволюционной буржуазией, а в союзе с пролетариатом и его авангардом — большевистской партией, против буржуазии, к чему так неустанно призывала их Советская власть⁵⁷.

Казалось бы, что перечисленные выше преступные деяния эсеров и меньшевиков нельзя ни простить, ни забыть. И тем не менее Советская власть во имя скорейшего окончания гражданской войны всякий раз протягивала руку помощи и поддержки тем элементам из лагеря мелкобуржуазной контрреволюции, которые прекращали вооруженную борьбу с Советской властью и выражали готовность работать в контакте с нею. Так, когда правые эсеры, руководившие вооруженной борьбой против Советской власти на Восточном фронте, призвали созданную ими так называемую «народную армию» обратить свое оружие против Колчака и «действовать совместно с Советской властью», ВЦИК своим решением от 19 февраля 1919 г. отменил свое, уже упоминавшееся постановление от 14 июня 1918 года. Это касалось всех правых эсеров, которые вставали на путь сотрудничества с Советской властью. «ЦИК,— говорилось в постановлении,— считает своим долгом предоставить партиям мелкобуржуазной демократии возможность на деле в открытой работе доказать свою готовность поддержать пролетариат и крестьянство в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией»⁵⁸. Это постановление не в первый раз открывало правым эсерам, равно как и их союзникам по антисоветской деятельности — меньшевикам, благоприятные перспективы участия в советском государственном строительстве. Но какие бы условия ни создавала этим партиям Советская власть для активного участия в советской работе, они по-прежнему оставались на антисоветских позициях, меняя лишь тактику борьбы. «Цель у нас остается прежняя. Меняются только пути и средства борьбы»⁵⁹,—заявили правые эсеры устами одного из видных своих деятелей, Н. Святицкого, уже после состоявшихся с ними «уфимских переговоров», в результате которых и было принято упомянутое выше постановление ВЦИК⁶⁰.

История полного банкротства тех лозунгов, во имя которых VIII Совет партии правых эсеров, состоявшийся в мае 1918 г., решил поднять

⁵⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 222.

⁵⁸ «Известия ВЦИК» № 45, 27.11.1919. По тем же мотивам ВЦИК решением от 30 ноября 1918 г. отменил свое постановление от 14 июня того же года и относительно меньшевиков, ЦК которых публично заявил 26 ноября 1918 г. о «признании» Советской власти.

⁵⁹ Н. Святицкий. О судьбах народовластия в России. «К прекращению войны внутри демократии. (Уфимские переговоры и наша позиция)». Сборник статей. М. 1919, стр. 79.

⁶⁰ Руководствуясь теми же мотивами, что и во время «уфимских переговоров», Сибревком и Реввоенсовет 5-й Красной Армии по указанию Советского правительства в январе 1920 г. в Томске вступили в переговоры с иркутским эсеро-меньшевистским «Политическим центром» и пришли к определенному соглашению (см. М. И. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М. 1962, стр. 341—345).

знамя восстания против Советской власти, ничему, как видно, не научила их. Они, как и прежде, оставались на позициях надклассового «народовластия и демократизма» с пресловутой идеей Учредительного собрания, полностью дискредитированной в глазах широких народных масс. Политическую легальность правые эсеры использовали не для добросовестной советской работы, а для так называемого «пробуждения в массах демократического сознания» с тем, чтобы попытаться толкнуть их на борьбу, направленную на изменение Советской конституции в сторону приближения ее «к основным началам народовластия»⁶¹. Таким образом, это была такая же антисоветская позиция, такая же «демократическая» контрреволюция с той лишь разницей, что на сей раз правые эсеры не призывали к прямой вооруженной борьбе с Советами.

Что касается меньшевиков, то они по-прежнему твердили одно и то же: Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен переход к социализму; пролетариат не может с успехом осуществлять свою диктатуру потому, что он составляет меньшинство населения страны, и т. п. Отсюда они делали вывод: «Октябрьская революция — преждевременный эксперимент, чреватый плохими для дела революции последствиями». В одной из последних работ В. И. Ленина, «О нашей революции», написанной по поводу записок Н. Суханова, едко высмеивается педантский подход к марксизму русских меньшевиков и оппортунистов II Интернационала. «Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики», — отмечал В. И. Ленин⁶². Эти «марксисты», писал он далее, не поняли и даже не заметили высказанную К. Марксом в 1856 г. надежду на соединение Крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением. «Все дело в Германии, — писал К. Маркс Ф. Энгельсу в апреле 1856 г., — будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно»⁶³. В. И. Ленин подчеркивал, что это-то указание К. Маркса, нашедшее свое воплощение на русской почве в 1917 г., и не хотели замечать внутренние и зарубежные оппортунисты. А между тем именно благодаря соединению чисто пролетарского движения с крестьянской войной, мастерски осуществленному партией большевиков во главе с В. И. Лениным, и стала возможной победа социалистической революции в условиях России. Вы говорите, обращался затем Ленин все к тем же идеологам оппортунизма, что для создания социализма требуется цивилизованность, достаточные объективные экономические предпосылки и определенный уровень культуры. «Ну, а почему мы, — спрашивал он их, — не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»⁶⁴. Таков был глубоко аргументированный и исчерпывающий ответ В. И. Ленина всем оппортунистам, внутренним и зарубежным, которые отрицали социалистический характер Великой Октябрьской социалистической революции и желали бы видеть Россию не социалистической, а парламентской буржуазной республикой.

Таким образом, приведенные выше материалы, факты, наблюдения свидетельствуют о том, что мелкобуржуазные партии исчезли из жизни советского общества не потому, что Советская власть якобы на-

⁶¹ Н. Святицкий. Указ. соч., стр. 80.

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 378.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 29, стр. 37.

⁶⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 381.

силы прервала, то есть запретила их деятельность⁶⁵, как это до сих пор бездоказательно пытается утверждать зарубежная буржуазная историография и бывшие меньшевистско-эсеровские лидеры. Партии меньшевиков, правых и левых эсеров сами распались под влиянием охватившего их внутреннего глубокого кризиса, вызванного изменой народу их вождей, их руководящих органов, которые в годы гражданской войны (а некоторые из них и в дни Октября) оказались на самом дне контрреволюции. И это было не случайным явлением, а закономерным процессом, начавшимся еще задолго до Октябрьской революции. Разногласия с меньшевиками по вопросу о роли Советов в годы первой русской революции составляли в зародыше все теперешние разногласия с меньшевиками⁶⁶, писал В. И. Ленин в 1920 году. Все попытки Советского правительства, большевистской партии и лично В. И. Ленина, направленные на приобщение мелкобуржуазных партий к делу советского государственного строительства и даже к разделению власти с ними, не дали по вине их самих положительных результатов, если не считать кратковременного сотрудничества с левыми эсерами. Став антинародными партиями и заняв позиции по ту сторону баррикад, мелкобуржуазные партии стали распадаться⁶⁷. Таков был беспславный конец мелкобуржуазных партий в России, который они сами себе уготовили.

Так объективный ход событий привел к тому, что руководящей силой советского общества стала лишь одна политическая партия — партия коммунистов-большевиков. Это объективно сложившееся обстоятельство обусловило образование в СССР однопартийной государственной системы⁶⁸.

Однако было бы неправильно отсюда делать вывод, что в тот период почва для нового оживления идей мелкобуржуазного социализма вовсе исчезла. Поскольку страна по-прежнему оставалась преимущественно мелкобуржуазной, а ее экономика — многоукладной, возможность оживления мелкобуржуазной идеологии, особенно в условиях нэпа, была вполне реальной. Лишь победа социализма в стране, когда вовсе исчезла социальная среда, порождавшая подобные явления, обеспечила идейную и политическую однородность советского общества.

⁶⁵ Разумеется, органы диктатуры пролетариата решительно пресекли и строго карали те мелкобуржуазные группировки, которые брались за оружие, чтобы ниспровергнуть Советскую власть, или побуждали других к этому, или же занимались такой деятельностью, которая угрожала устоям советского строя. Но эти меры, тем более во время гражданской войны, были вполне объяснимы и закономерны, и диктовались они необходимостью обороны страны. В рамках же Советской конституции деятельность мелкобуржуазных партий была вполне свободна.

⁶⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 372.

⁶⁷ Много лет спустя один из видных деятелей меньшевизма, Д. Далин, характеризуя трагедию Мартова, подчеркивал ту мысль, что «не болезнь была самым тяжелым переживанием в последние годы (жизни) Мартова..., а распад того движения, которому он отдал всю жизнь». Этим признанием Д. Далин опровергает, помимо своей воли, разумеется, версию «насильственной ликвидации» меньшевизма органами чека и признает его распад (см. Д. Ю. Далин. Обрывки воспоминаний. «Мартов и его близкие». Сборник. Нью-Йорк. 1959, стр. 117—118).

⁶⁸ Однопартийная система в СССР окончательно сложилась, по нашему мнению, во второй половине 1918 г., то есть сразу после разрыва блока с левыми эсерами, предприятия по инициативе последних. После этого, как известно, большевистская партия уже ни с кем не разделяла власти. Однако есть на этот счет и другое мнение. Так, например, Е. Г. Гимпельсон полагает, что «рубеж 1920—1921 гг. ... нужно считать тем моментом, когда окончательно и бесповоротно сложилась однопартийная система» (см. Е. Г. Гимпельсон. Указ. соч., стр. 30). Из приведенных слов Е. Г. Гимпельсона логически следует, что до 1921 г. в нашей стране господствовала не однопартийная система, но для этого нужны, на наш взгляд, более веские доказательства, чем те, которые приводит автор.